

КАК ЕРМОЛАЮ ЖЕНУ ПРЕДЛАГАЛИ

Ермолай совсем постарел. Он редко выходил из дома, сидел на лавочке, грелся на уже тускляющем осеннем солнышке, подставляя ему морщинистое, с двумя большими сабельными ранами лицо и закрывая надолго глаза. И даже засыпал под лучами солнца. Тут он мог спать спокойно, не то что дома, когда во сне ему приходилось бороться с какими-то врагами, идти в бой то на турков, то на калмыков. Это ему снились рассказы прадеда Никиты, который бродяжничал, а потом воевал в ватаге атамана Ермака, уходил с ним в далёкую Сибирь. Прадед, наверное, единственный из воинов Ермака, который вернулся на Волгу из похода в Сибирь против хана Кучума, поселился на её левом берегу, где потом образуется слобода Покровская, саратовская застава. Эти рассказы прадеда на всю жизнь вошли в память Ермолая как реальные, красивые картинки. И он любил тоже передавать их и детям, и взрослым, которые собирались возле его дома целыми ватагами. И как ему удавалось запомнить не только героев ермаковского похода, но и поселения Сибири, не путать их трудные татарские названия. А этот рассказ, пожалуй, был у Ермолая самым длинным и интересным. Да и собралось возле дома Ермолая в этот вечер почти три десятка соседей.

— Хан Елагай, — начал свой рассказ дед Ермолай, — не спал всю ночь. Он ходил, низко опустив голову, из угла в угол в своей обширной хате. Иногда хан выходил на улицу. Сегодня луна была огромной. уже пятьдесят лет хан Елагай смотрит на луну, но такой большой он ее еще никогда не видел.

Хан Елагай в очередной раз вышел на улицу. Луна была такой же огромной, только она низко опустилась к горизонту, уже краем своим коснулась верхушек деревьев. Диск луны покраснел, и, казалось, что деревья могут вспыхнуть от прикосновения луны. Но этого не произошло, и луна быстро свалилась за лес.

Хан Елагай проводил взглядом небесное светило и тут же пожалел, что ночь так быстро закончилась. Он в своих заботах даже не устал, крепко стоял на ногах и чувствовал зарождение нового дня. И он начался. С восточной стороны горизонта появились розовые отблески, и вот оно, огромное красное солнце появилось над землей. Начиналось новое время, новая жизнь, которая так тревожила ханскую душу.

Хан Елагай вышел на берег Иртыша. Лучи солнца уже всюду бежали по речным просторам, отдавая воде невидимое тепло. Они пробегали по волнам, берегу, поднимались по деревьям и исчезали в небесной синеве. Хан провожал взглядом лучи и думал.

Скоро с верховья Иртыша появится храбрый, сильный и жестокий атаман Ермак. у него большое войско, жестокие воины, которые сожгут стойбище с названием Тебендя, порежут скот, полонят воинов, надругаются над женщинами и детьми. Разве мог он, великий сибирский хан Елагай, допустить это? Он лучше умрёт, чем допустит такое. Выйдет на берег Иртыша со своими воинами, достойно встретит врага. Но устоят ли они перед более сильным и бесстрашным войском Ермака? Этого хан Елагай не знал и даже где-то глубоко в мыслях был уверен, что ему со своим войском суждено погибнуть от огнестрельного оружия врага, увести людей в тайгу, в болото он тоже не мог. А что делать со скотом, огромным табуном лохматых забайкальских лошадей, большим количеством коров, телят и бычков, несчитанными птицами? Их по болоту не проведешь. А бросить все это богатство не хватало духу. Да и здравый смысл не позволил бы сделать это. Хан не мог обрести свой гордый и свободолюбивый народ на нищенское существование.

Хан дождался, когда солнце наберет силу, поднимется выше, разбудит землю и людей, и отправился домой. Там уже всюду кипела утренняя жизнь. Бегали женщины с ведрами, одни из них доили коров и передавали животных пастухам, другие на кривых, но гладко выструганных коромыслах носили воду из Иртыша. Хан приостановился, наблюдал это людское кипение. Это было обыденное движение, но все делалось намного быстрее, чем обычно. Хан понял, что его тревога уже передалась его подданным. И, как ни странно, это его успокоило. К нему вернулось хладнокровие, прежняя мудрость. Он еще раз посмотрел на утреннее солнце, как бы советуясь с ним, и принял решение.

Дед Ермолая закрыл глаза. Казалось, что он даже уснул. С закрытыми глазами он просидел минуты две-три и снова встрепенулся, блеснул глазами.

– Хан быстрыми шагами направился к стойбищу, – продолжил Ермолай. – Навстречу ему шёл его старший сын Эбар.

– Где все мужчины? – строго спросил у сына хан.

– Они на загоне лошадей, – спокойно ответил юноша. Ему совсем недавно исполнилось семнадцать лет. В этом году к осени отец собирался его женить, уже невесту подобрал. – Все ждут твоего приказа, отец. – Не выдержал и спросил: – Мы уходим, отец?

– Сынок, – ещё строже, но ласково заговорил хан. Он положил руку на плечо сына, заглянул в его глаза. Сын в знак почтения низко опустил голову. – Передо мной стоял очень трудный выбор, а мне не с кем было посоветоваться. Я сегодня ночь не спал и разговаривал с луной.

Что она тебе сказала, отец? – нетерпеливо спросил ханский сын.

– Ничего она мне не сказала, – чуть с обидой ответил хан. – Я дождался восхода солнца, и оно указало мне путь. Теперь я знаю, что мне делать.

– И что надо сделать, отец? – опять нетерпеливо спросил ханский сын.

– Я встречу хана Ермака как почетного гостя. – Хан тоже низко опустил голову. Ему стало больно. Защемило сердце и тут же отпустило. Хан снова строго стал смотреть на сына. – Я встречу его как великого полководца. Мы много говорим о том, что это наш главный враг, которому нет пощады, и это на самом деле так. – Сын хана внимательно слушал, сделал неуправляемое движение, как бы пытаясь возразить. Но не сделал этого. – отец

не дал ему разрешения для спора. – Я еще не договорил. Мы многое сделали, чтобы установить мир с северными народами. Мы совершили поход до Байкала, подружился с тамошним ханом Калой, в подарок пригнали табун крепких лошадей. Но беда пришла с другой стороны, оттуда, где солнце прячется на ночь.

Хан Елагай задумался. По его лицу, как в предутреннее время, когда всходило солнце, пробежали тени тревоги. Он посмотрел в сторону восхода солнца, туда, откуда должен был появиться Ермак со своим войском. Хан увидел, как к нему спешит руководитель отряда разведки, один из самых храбрых воинов стойбища Тебенди Баки. Воин подбежал к хану, преклонил одно колено и попросил разрешения говорить.

– Мой хан, – уловив невидимое движение правой руки хана, начал говорить воин. – Невсверный, сын Шайтана хан Ермак двинулся вниз по Иртышу в нашу сторону.

– А где он был? – хан нахмурил поседевшие рано брови.

– Ровно тридцать дней хан Ермак пробыл чуть выше устья Ишима, – бесстрашный воин смело посмотрел в глаза хану Елагаю. – Люди из этого стойбища приняли его, как почетного гостя. И он там остался надолго.

– Ты же сказал на тридцать дней, – хмуро заметил хан.

– Да, – подтвердил Баки, – Ровно на тридцать дней. Чуть усмехнулся. – Не успел хан Ермак выехать из стойбища, как его обитатели дали ему новое имя.

– Наверное, – недовольно заметил Елагай, – стойбище назвали Ермаком.

– Нет, – возразил воин, – они его называли по количеству дней пребывания Ермака в этом стойбище. То есть, утус Кунь.

– Хитрые там люди живут, – тоже усмехнулся хан. – И Ермаку угодили, и стойбище его именем не назвали. Они сколько времени пробудут в пути? – Хан сознательно не стал говорить о том, через сколько времени Ермак прибудет в Тебендю.

– К закату солнца они точно будут здесь, у нас, – твердо ответил Баки. – И сурово добавил: – Надо готовиться.

– Да, надо готовиться. – как будто о чем-то своем проговорил хан Елагай. Еще раз подтвердил: – Будем готовиться. – Приказал воину: – Иди, передай воинам, пусть выгоняют весь скот на пастбища, а сами в полном вооружении выходят на берег Иртыша. Я хочу с ними говорить, – хан посмотрел на сына. – А мы с тобой сейчас же пойдем на берег. Мне с тобой тоже надо поговорить.

Эбар хотел о чем-то спросить отца, но никак не решался начать разговор. Было такое тяжелое состояние у самого, он видел, как мучается и переживает отец, что не хватало сил задать первый вопрос. Он решил повременить, тем более, что отец сам хотел серьезного разговора. Может быть, думал ханский сын, отец хочет спросить у него совета. Ему, преданно любящему и искренне уважающему своего отца, пусть и Великого хана, хотелось, чтобы отец попросил у него совета. А он молодой, сильный и умный ханский сын, наследник, знает ответ на любой вопрос. Но отец заговорил совершенно о другом.

– Наши предки, сын, – твердо начал свой разговор хан, – жили здесь тысячелетия. Мы твердо шли своей дорогой, встречали луну и солнце, а по истечению срока достойно их провожали. Мы также достойно встречали как своих врагов, так и друзей, у нас на все хватало мужества, сил и доброты. Но времена, сынок, как и люди, меняются. Пришел сильный, умный и коварный враг.

– Мы можем с ним сразиться, – храбро сказал Эбар. – Неужели мы не сможем победить? Это ведь наша земля, а за нее каждый из нас готов отдать жизнь.

– Я в этом не сомневаюсь, сынок, – в голосе хана послышались теплые нотки. – Со всем не сомневаюсь. Но я уверен, что на этот раз перед более сильным врагом мы не устоим. И поэтому наше спасение в мире и согласии с Ермаком.

– Неужели все так безнадежно, отец? – голос Эбара дрогнул, треснул. Обида сдавила горло и он больше ничего не смог сказать.

– Да, сынок. Это именно так, – хан сделал шаг к сыну, прижал его голову к своей груди, поверх ее посмотрел на солнце. Яркое большое светило уже поднималось к своему горизонту. Похоже, Ермак уже прошел половину своего пути и скоро должен быть в Тебенде. – А у

тебя, сынок, самая главная задача. – Эбар поднял голову, внимательно посмотрел в умные глаза хана. Он ждал и не задал вопроса. – На нашем повороте реки Иртыш ты встретишь хана Ермака. Скажешь ему, что великий татарский хан Елагай ждет его с миром и щедрыми подарками. На берегу оставь разведчиков. При непредвиденных обстоятельствах они успеют доложить мне о происходящем, а я уведу людей в тайгу и болота. Скот придется бросить.

– Жалко лошадей, – откровенно сказал Эбар. – Какой сильный у нас табун. Другого такого никогда не будет.

– Да, сынок, – согласился хан, – другого такого не будет. Видимо, такова воля Аллаха.

– Я бы с ним на эту тему поспорил.

– Не кощунствуй, сынок, – строго прервал сына хан. – Аллах знает, куда нас ведет. Я думаю, что и на этот раз он не ошибется.

Хан стоял на крутом берегу Иртыша. Легкий ветер пробегал по водной глади, большое и красное солнце уже коснулось верхушки деревьев. Хан Елагай хотел, чтобы оно подольше застряло на горизонте над дёрсьями. И вечное солнце как бы слышало молитвы старого и мудрого хана, коснулось первого листа огромного дерева и замерло. Стих ветер на реке, только лучи солнца, подгоняемые неведомой силой, бежали по серебряной глади Иртыша. Казалось, что с этой минуты прошла целая вечность. Где-то в тиши из воды выпрыгнула огромная рыбина, ударилась спиной о водную гладь, и снова стало тихо.

И вдруг послышался шелест весел. Из-за лучины Иртыша появился караван стругов, на некоторых из них были видны флаги с неясными очертаниями. Тут же хан Елагай сзади себя услышал топот копыт. Вороной лохматый конь остановился в нескольких шагах от хана. С него соскочил Баки, подбежал к хану Елагаю и преклонил одно колено. Хан разрешил говорить.

– Все идет по плану, мой великий хан, – торопливо доложил воин. – Хан Ермак хорошо принял Эбара, посадил его в лодке с собой и они направляются в Тебендю.

– Ты уверен, что хан Ермак не предпримет против нас воинствующих действий? – все же подстраховался Елагай. – Может быть, они держат моего сына в качестве заложника?

– На это не похоже, мой великий хан, – твердо ответил Баки. – Хан Ермак сидит рядом с твоим сыном, и они пьют кумыс.

– Русские кумыс не пьют, – показал свои познания хан. Он много походил по свету, увидел много интересного. – Они пьют вино. – Покачал сокрушенно головой: – Я забыл предупредить сына, чтобы он не прикасался к этому дьявольскому напитку. Впрочем, об этом сожалеть поздно.

Несоизданно над Иртышом раздалась песня:

Вдоль берегов большого Иртыша

Плывут струги с казаками,

А в зарослях седого тальника

Сидит беда с рогами.

Далеко по Сибири ушли,

Хаты, жен мы давно позабыли,

Только в сердце своем сберегли,

Все, что раньше на Волге любили.

Хан Егалай в своем теле, в разуме почувствовал какое-то необъяснимое успокоение. Он оглядел воинов, стоящих крепкой стеной вокруг него, встал на колени лицом к востоку. Рядом с ним упали на колени все его подданные.

– О, Великий Аллах! – необычно начал молитву вождь и хан Егалай. – Пошли в этот день мне, хану Егалаю, и всем моим подданным удачу. Пусть сбудутся все мои утренние молитвы, – войско хана молчало. Все воины понимали, какую великую ответственность взял на себя их хан. Только он был в ответе за судьбу большого, трудолюбивого народа. Хан встал с колен и стал спускаться к берегу Иртыша.

Струги Ермака уткнулись носами в берег Иртыша. Воины Ермака бросили на берег трапы. Первым сошел на берег сам Ермак. Он был не так огромен, как его описывали.

Разве что широк в плечах, да огромная, подернувшая сединой борода наводила на окружающих его людей страх.

Хан Егалай бегал глазами по стругам и не мог найти своего любимого сына Эбара. Его рука невольно потянулась к сабле, висячей на талии с левой стороны. Ермак тут же заметил это неуловимое движение, но неожиданно громко засмеялся.

– Прости меня, Великий хан, – произнес он. – Твой сын оказался очень слаб на русское вино. Эй, – крикнул он на струг, – подавайте сюда ханского сына. Да осторожно с ним обращайтесь.

Хан неуловимым взглядом заметил нервное движение в рядах своих воинов. Он сделал такое же неуловимое движение, и войско его успокоилось. И тут хан увидел Эбара. Чуть покачиваясь, он сам спускался по трапу на берег. Он подошел к отцу, поднял виноватые глаза и тихо сказал:

– Я выполнил твой приказ. И скажу, что ты на самом деле Великий хан, и был во всем прав. С ханом Ермаком надо дружить. Он смел, щедр и храбрый воин. умные люди всегда будут благодарить тебя, Великий хан, что ты сохранил наш род.

Хан повернулся к Ермаку, низко, но с достоинством поклонился.

– Я рад встретить тебя, хан Ермак, – хан Егалай выпрямился. – На нашей великой земле. Я бы хотел, чтобы наши племена во все времена были дружны и никогда не чувствовали друг к другу вражды и обиды.

– Да будет так, – весело ответил Ермак. Он подошел к Егалаю и обнял его, крепко зажав в длинных сильных руках. – Нам надо с тобой вместе отобедать. Пойдем к тебе, или у меня на стругах обоснуемся?

– Подожди, хан Ермак, – остановил его хан Егалай. – Я хочу тебе сделать подарки. Вон там, на берегу, ждет тебя десяток самых сильных быстрых лошадей из моего табуна. Но самый главный мой подарок таков. – Он подал сигнал рукой. Из-за лошадей, стоящих на крутом берегу, на самый его край вывели молодую, тоненькую, как березка, девушку. Ермака, стоящего от девушки на большем расстоянии, поразили огромные, блестящие черные глаза. Казалось, что не от солнца, а от ее взгляда бегут по волнам Иртыша серебряные зайчики. – Это моя дочь Алсу. Я отдаю ее, мое самое красивое и любимое создание, тебе в жены.

О, Великий хан! – Воскликнул Ермак. – Ты поразил меня своим гостеприимством. Поверь мне, я не хочу тебя обижать. – Он подал знак и к нему подвели Алсу. Рядом с Ермаком она выглядела совсем девочкой, стояла и смущенно теребила концы зеленого платка. – Еще раз говорю, поверь мне! Но у нас совершенно другие законы. Я не могу взять в жены твою дочь.

При последних словах Ермака хан Егалай нахмурился, сделал шаг назад.

– Ты меня не совсем понял, – спешно снова заговорил Ермак. – у нас совсем не принято иметь несколько жен. И я бы не хотел брать дочь Великого хана в наложницы. Ведь ты тоже этого не хочешь?

– Да, – гордо ответил хан Егалай. – Я не хочу, чтобы моя дочь была наложницей. Мы очень свободолюбивый народ.

– Я это знаю. – Ермак покачал головой. – Поэтому я не хочу обманывать тебя, тем более унижать. – Потом улыбнулся и сказал: – Давай сядем за стол, поедим, попьем и обговорим все дела. у меня есть одно предложение, которое породнит нас на многие года. Поверь, что так это и будет.

Какое предложение сделал Ермак хану Егалаю, никто не знает. С тех пор прошло много лет, а сколько воды Иртыш унес, никто не сосчитает. А предложение такое, видимо, было. Не случайно ведь сибирские татары и русские живут в дружбе в усть-Ишимском районе Омской области, где и расположена деревня Тебендя, со времён Ивана Грозного.

Ермолай закрыл глаза и уснул.

г. Энгельс – с. Тебендя